

МАРИНА
КОЗЛОВА

СЛЕВА
ОТ
АФРИКИ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К59

Художественное оформление серии *А. Харитоновой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

Козлова, Марина Валерьевна.
К59 Слева от Африки / Марина Козлова. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103907-3

Марк Вегенин — философ и архитектор миров, хотя работает скромным библиотекарем в провинции. Жизнь его близится к закату, но именно сейчас ему посчастливилось встретить свою настоящую любовь — Надежду. Надежда не свободна, но это не препятствие чувству. Однажды трагический случай обрывает земную судьбу возлюбленной Вегенина. Сможет ли его магия спасти Надежду?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103907-3

© Козлова М., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Спасибо Владимиру Африкановичу Никитину за идею «архитектуры времени», Ольге Чаплинской за правильно организованное пространство, Наталье Клаунинг, Алексею Фадееву и Дмитрию Остроушко за постоянную грузинскую поддержку, Аркадию Фрейдлину за диалог.

Посвящается Юлии Никитиной

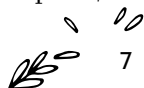
• ДОМ В ЛЕСУ •

Сегодня уже поздно, думала она, разглядывая свои босые ноги на деревянном крыльце. Пошевелила пальцами, темными от влажной земли. После обеда шел дождь, а потом она ходила сидеть под вишней, как обычно по вечерам. Сидела до вечера, перекаtywала в ладони два тяжелых нефритовых шара, пыталась согреть их, но тепла в ее руках не было.

Она нашла эти шары в ящике письменного стола еще в *первый день*. Стол был старым, массивным, роскошным, с зеленым сукном. В его ящиках пахло хвоей, кожей и ванилью. Кроме шаров там были еще узкие очки без оправы в футляре-тубусе, пустая шкатулка с синей шелковой обивкой и стопка чистой пожелтевшей бумаги.

Здесь не было пыли, а как ее не могло быть в доме, где давно никто не живет? Но факт — ее не было нигде, и только в одном из углов под потолком свисала паутина. Каждый день она думала ее убрать, смахнуть веником, но к вечеру забывала — к вечеру она забывала не только это, а вообще все, что не касается мысли об ожидании.

В круг света вошел ежик, притормозил немного, повел носом и потрусил дальше, в кусты барбариса,

шурша и еле слышно вздыхая. Каждый звук, даже падение листа в траву, она теперь различала отчетливо. Последнее время только и делала, что сидела и слушала, прислушивалась, сосредотачивалась, зажмурилась и не дышала. Ей нужно было услышать шаги. Сначала — по траве почти невидимой лесной тропинки, которая тянется от дороги прямо к ее дому — через ельник, сквозь молодую березовую рощу, которая выглядит ночью как дрожащий сгусток белого речного тумана, мимо четырех корабельных сосен — по сухим иглам, и последние десять метров — по гравиевой дорожке прямо к крыльцу. Он — большой человек, его шаги будут слышны издалека.

Сегодня он уже не придет, думала она, — поздно, темно. Может быть, завтра с утра. Хотя...

Иногда она говорила с ночным лесом. С кустами барбариса, с нежными кремовыми чешуйками сосновой коры, с невидимыми птицами, которые после трех ночи начинали издавать нечастые горловые звуки где-то ближе к верхушкам сосен, напоминая ей о привычном утреннем действии. Бывало, что до четырех часов утра она так и не засыпала. Тогда она шла на маленькую круглую поляну между соснами и березами и ложилась там на землю, лицом вниз. Так она лежала час, а когда и больше, пытаясь услышать, что происходит в глубине земли, что это за земля и как она возможна.

Уходя спать, она привычно зацепилась бахромой шарфа за язычок замка, привычно отцепила и тихо притворила за собой дверь, оставив освещенные потолочным плафоном груши-дички горкой на лавке, пучок сухой лаванды в старой алюминиевой мисочке, клубок медной проволоки и черноглазого плюшевого медвежонка с разорванным животом.

Свет на крыльце на ночь она не гасила никогда. На всякий случай. Если проводка когда-нибудь выйдет из строя или перегорит последняя в мире лампочка, она оставит керосиновую лампу. Если кончится керосин, она разведет костер перед домом и будет поддерживать его всю ночь. Если не из чего окажется разжечь костер, она просто будет сидеть на ступеньках и смотреть вдаль.

Она не может допустить, чтобы он сбился с пути, не заметил дома в темноте, прошел мимо.

Ты сумасшедшая, сказала бы ей мама.

Ты сумасшедшая, сказала бы Нино, на всю голову, да.

Ты сумасшедшая, сказал бы муж.

Ты сумасшедшая, обязательно сказал бы тот, для кого она оставляет свет на крыльце. Только он бы сказал это иначе, так, как может только он.

Пусть придет и скажет.

Пусть придет и успокоит.

Пусть придет и заберет с собой.

Пожалуйста.

Пусть только придет.

Надя

— Поляки проводят пати на Пасху, пойдём к полякам, ну пойдём, не хочешь, хочешь, ты чего такая грустная?

Нино Гудадзе не особо утруждала себя знаками препинания в повседневной жизни. Мне хватает этого всего в текстах, сразу предупреждала она своих новых знакомых, слегка кося хитрым лиловым глазом, всех этих точек с запятыми, тире — не тире, задолбало! В прошлом главный редактор маленького

убыточного издательства, а с некоторых пор гордая птица по имени фрилансер, Нино любила ворваться в жизнь Нади телефонным звонком, эсэмэской, а под настроение даже юным озябшим курьером из пекарни «Штолле» с большим рыбным пирогом наперевес. Или с брусничным пирогом, или с клюквенным. Нино просто была в курсе, что Надя любит пироги «Штолле», а Нино любила Надю. С ребятами же из Польского института Нино прятельствовала, писала для них какие-то статьи и теперь вот зазывала Надю отправиться в книжный ресторан «Бабуин» и выпить там сухого вина с веселыми поляками по случаю католической Пасхи.

— Ты никогда не переделаешь всей своей работы, выключай компьютер, пошли, я заезжаю за тобой на такси, все.

Надя подумала немного, выключила компьютер и накрутила ресницы. Не было у нее никакой работы, она сидела, уткнувшись в монитор, и читала статью Роберто Мангабейра Унгера, философа, о социальной справедливости и неограниченных финансовых возможностях для современного человека. Мысль о неограниченных финансовых возможностях казалась Наде забавной, но совершенно умонепостижимой. Она объяснила себе это тем, что они с автором совершенно точно живут в разных мирах и там, в его мире, эта ситуация, видимо, довольно рядовая. Да и социальная справедливость там, должно быть, существует. Еще гарвардский профессор Унгер, один из консультантов Обамы, утверждал, что «множество людей с симпатией относятся к идее долгосрочного планирования, но никто не знает, что это на самом деле такое».

Вот тут Надя согласилась с автором немедленно. Совершенно верно. Никто не знает, что такое

долгосрочное планирование и как оно в принципе возможно. Насмеши Бога — расскажи ему о своих планах... В ее роскошном блокноте Bruno Viskonti, специально отведенном под персональную «дорожную карту», тайной жизнью жил план на ближайшую пятилетку. Там страница к странице, как щека к щеке, мирно сосуществовали прозрачные виниры, которые идеально выравнивают зубной ряд, приобретение себе какой-нибудь маленькой шустрой машинки поновее да поздоровее ее «Ситроена», ремонт балкона, перевод сына Мотьки в престижный физмат-лицей — причем, зачем и для чего, черт его знает... И маленькими буквами в самом низу разлинованной страницы было написано короткое слово «дом». Я тебя умоляю, Надин, сказал однажды ее вечно занятой муж, я и так работаю на пределе своих возможностей, ты работаешь на пределе своих возможностей. Ну какой дом, какой? Чтобы купить что-то приличное за городом, мы с тобой еще должны поднапрячься. А строить — это не ко мне. Это, знаешь, Надин, очень, очень ресурсозатратная история.

Он любил говорить слово «история» и еще «сюжет». Теперь все уверенные в себе деловые мужики обязательно говорят: это дико затратная история. Или: сюжет с кредитом в пять с половиной миллионов в принципе возможен.

А Надя хотела строить. У нее был Образ Дома. Дом в сосновом лесу. Она видела смысл в том, чтобы превратить этот образ в осязаемую реальность. Как и где купить то, что она хочет? Она придумала себе дом, такой не продается. Он существует только в ее голове. Купить и дурак может, думала она утром, закрывая за мужем дверь, — он тут же вернулся.

— Я кофр забыл, — бросил он на бегу, устремляясь в недра квартиры. — Где кофр, Надя? Тот, синий! А, вот он стоит, в елочку, из Мосторга...

К месту и не к месту Сашка вставлял в речь цитаты из советского кинематографа, горячо любил костюмы и запонки, и Надя за все годы супружеской жизни так и не решилась признаться ему, что считает мужской костюм страшно асексуальным и мужиков в костюмах и галстуках считает асексуальными. Не то чтобы они, мужики в костюмах, противны ей, они просто не вызывают у нее никаких чувств. Как вареный лук, к примеру... Или что-то из пластика. Да, из пластика — так точнее. Что-то, что, минуя тепло человеческих рук, подверглось процедуре конвейерной штамповки, было залито в незатейливую стандартную форму, а после вытряхнуто из нее...

При этом по роду деятельности ей, как хедхантеру и управляющему партнеру крупной международной рекрутинговой компании, приходилось иметь дело преимущественно с костюмами, галстуками и какими-то невообразимо педерастическими кожаными саквояжами, которые в последнее время так полюбили карьерно-ориентированные мальчики за тридцать. Как хедхантер, за костюмами и крахмальными воротничками она пыталась рассмотреть лица, а если повезет, то и мозги.

Надя услышала звонок и сразу вслед за звонком ляг железной двери и грудное контральто Нино, которой непременно нужно пококетничать с симпатичным охранником.

Поляки были зажигательными. Пели песни, угощали чилийским сухим вином, кормили сырами и виноградом, маленькими рыбными шашлычками и

всевозможными затейливыми канапешками. Многочисленные друзья Польского института в Киеве под завязку наполнили книжный ресторан «Бабуин», и к началу второго часа этой разлюли малины официанты уже засновали с подносами, уставленными стопочками с водкой, холодной даже на вид. В фуршете стали фигурировать соленья и моченья, тонко нарезанное сало с розовыми прожилками — не иначе как доставленное только что с Бессарабки. Хоровое пение крепло, вот в него влились уже и записные журналисты-тусовщики, которые нечасто приходят к началу, но всегда успевают к первой подаче горячих блюд.

В какой-то момент Надя беспричинно заволновалась о Мотьке, набрала его под укоризненным взглядом Нино. «Не умеешь ты отдыхать!» — говорил взгляд Нино. В знак несогласия и протеста подруга съела все оливки из их общей тарелки и уплыла к фуршетному столу, куда уже вынесли разноцветные десерты.

— Че? — отозвался Мотька. — Нормально. Шарюсь в Интернете. Папа тоже... А ты где?

— В Караганде, — неожиданно сказала Надя, нюхая чай с имбирем и коричневыми палочками.

— А, в командировке... — рассеянно прогудел Мотька.

Нос заложен который день, промывать не хочет, ничего не хочет... Им что в командировке мать, что не в командировке — потерялись совсем, бедолаги.

Надя вздохнула и взяла губами крупную виноградину с ладони Нино.

— Ну что с ними станется? — Нино чистила маленький банан. — Оголодают? Порезутся? Прольют кипяток? С такой наседкиной сущностью надо дома сидеть, а не по миру шараться. Сашка же

нормально зарабатывает, сидела бы дома, занималась этим... Валянием! Сейчас все занимаются валянием. Не в смысле валяются, а в смысле делают такие... ну, короче, валенки всевозможные. Или вот еще есть петчворк, квилтинг, скандинавская ходьба с палками и прочий хюгге. Мыло бы варила, фотографировала и выкладывала в «Фейсбук». Вела бы нормальный мещанский образ жизни.

— Не могу. — Надя отобрала очищенный банан и откусила половину. — Неинтересно.

— А подбирать топ-менеджеров для сталелитейной компании интересно? Тогда уж как-то бы с пользой для себя. Представляю, сколько ты перелопачиваешь человеческого материала. Причем мужского. Небось и качественные попадают? Чего ты фыркаешь? Фыркает она! Завела бы себе кого-то с годовым контрактом в миллион. Разнообразила бы свою эмоциональную сферу.

Надя подумала и поцеловала Нино в гордый грузинский нос.

— Моя эмоциональная сфера выглядит как флаг гей-движения, — сказала она. — Все цвета радуги.

Муж Сашка и сын Мотька встретили ее в предельно мрачном расположении духа.

— А что такое, зайчики? — весело поинтересовалась Надя, с облегчением освобождаясь от тuffель на каблуках.

— Папа кипяток пролил, — донес Мотька. — Руку обжег. А я виноват, типа под руку лез. А я не виноват, я к мобилке бежал!

— Зачем, — произнес Сашка, — класть трубку на кухне, возле электрочайника, в самом идиотском месте, которое только можно придумать...

«Нино, ты — ведьма», — подумала Надя и осмотрела придирчиво обе руки несчастного мужа.

— Где?

— Вот, — Сашка дрожащим пальцем показывал на маленькое розовое пятно. — Не видно? А бо-лит — капец просто.

— Пантенол, — сказала Надя и пошла к аптеч-ке. — Пантенол! Сколько раз вам говорить, где что лежит и зачем.

— Пантенол — в жопе кол, — сообщил Сашка, получив первую медицинскую помощь, и уткнулся в компьютер.

Мотька засопел носом.

— А мне не разрешаете говорить слово «жопа». А сами...

«Петчворк, — ни к селу ни к городу уныло поду-мала Надя. — Мне только петчворка не хватало...»

— А мне сегодня снова Данка звонила, — сказа-ла Надя в мужнину русую макушку. — Плачет.

— Чего плачет? — немедленно отозвался любо-пытный Мотька из-за своего ноутбука.

— От нее ушел муж.

— Почему? — Мотька, азартно закусив губу, стучал по клавишам.

— Объялся груш... — объяснил Сашка своему монитору.

Надя покачала головой и ушла на кухню.

Однокурсница Данка, Богдана, Бодя или Мася (для узкого круга) жила во Львове. На последнем курсе вышла замуж за львовянина Артема, красав-ца и бас-гитариста. По степени близости Дана бы-ла Наде даже роднее Нино, поскольку стаж дружбы солиднее. На университетском выпускном, после второй бутылки шампанского, она шептала Наде в ухо «Как он делает это! Оооо!» Под «это» попа-дало все, что касается юных телесных радостей, и, наверное, что-то еще, но Надя забыла, что именно.